

УДК 811.161.1-2

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ДРАМЕ
А. П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ»**

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье драматургический текст рассматривается как коммуникативное пространство, организуемое коммуникативными интенциями персонажей. В фокусе оказываются вербализованные желания героев пьесы, реконструированные на основе семантических примитивов со значением «желать». Подобный анализ позволяет перейти от собственно языкового уровня текста к интерпретации его идеологических структур.

Ключевые слова: *А. П. Чехов, драматургия, коммуникативные интенции, семантические примитивы.*

Диалогическая ткань драматического произведения в лингвоперсоналогическом контексте коммуникативистики – это не что иное, как **номинативная сеть** – «своеобразная “композиция предметов”, в том числе и “композиция людей”, то есть композиция <...> образов» [2, с. 65], и, далее, **коммуникативная сеть**, в основе которой «взаимная нуждаемость» коммуникантов. «В этой “взаимной нуждаемости” людей, понимаемой в широком социальном смысле <...> истоки коммуникативных потребностей» [6, с. 214]. Структура сети в драматическом произведении определяется авторской позицией, социально-культурными, социально-деятельностными и личностно-специфическими особенностями персонажей, может осмысляться как труднообозримо-обширное количество линий взаимодействия, связывающих партнеров по общению. Импульсы, приводящие коммуникативные структуры в движение, «стимуляторы» общения – разнообразные межличностные «сближения» и «отталкивания», установки, намерения, желания языковой личности, результирующие в конкретно-ситуативные **коммуникативные интенции** героев, управляющие процессами речевого взаимодействия и текстопорождения.

В общем (общенаучном) случае **интенция** (из лат. *intentio*) – это (внутреннее) напряжение, усилие, замысел, намерение, в котором реализуется «способность сознания быть “направленным на”, репрезентировать предметы и положение дел» [8, с. 289]. Соответственно **коммуникативная интенция** в русской огласовке не что иное, как **речевое намерение**, коррелирует понятия «цель высказывания» в соотносительности намерения / цели с внутренними мотивами, установками, замыслом, побуждениями и т. п. говорящего / пишущего.

Исходя из сказанного, целесообразно различать два «макротипа» коммуникативных интенций в зависимости от направленности сознания говорящего на другого / других – на себя. В первом случае коммуникативные интенции выступают как инструмент организации речевого взаимодействия и воздействия, соотносятся с понятием «оптимизация общения», во втором случае – как проявление направленности сознания говорящего на самовыражение в речи. Содержание и языковое

опредмечивание речи в этом втором случае, с одной стороны, каузируется мотивационными и лингвокогнитивными структурами «я» говорящего (в драматургии – «я» персонажа), с другой стороны, мотивационные и лингвокогнитивные структуры «я» могут исследоваться на основе его речевых проявлений.

Коммуникативные интенции первого типа обладают объемным набором средств языковой / речевой экспликации в тексте, в ряду которых вводные слова, пояснительные, присоединительные, вставные конструкции и т. п. Их удельный вес достаточно велик в эпических произведениях, но в чеховской драматургии они оказываются на периферии.

Коммуникативные интенции второго типа, каузируемые прежде всего потребностями в самовыражении личности, для персонажей Чехова более характерны, их специальное исследование более непосредственно выводит на глубинные (концептуальные, «идеологические») семантические структуры текста, на содержание скрытого пафоса чеховской драматургии, который в рамках данной статьи рассматривается на примере чеховской драмы «Три сестры».

Лингвоперсонологически показательный способ организации диалога в «Трёх сестрах» – «эхо-фраза», ср.:

«*Чебутикин*. Бальзак венчался в Бердичеве. (*Читает газету*).

Ирина (*раскладывает пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве» [10, с. 147].

Содержательная сторона включающего «эхо-фразу» диалога чеховских персонажей оказывается десемантизированной, «выхолощенной», поскольку ориентация говорящего на собеседника как неотъемлемый элемент «традиционного» коммуникативного взаимодействия сводится здесь к формальной констатации его присутствия. Диалог персонажей больше напоминает монологические реплики в рамках автокоммуникации, поскольку фразы-реакции не вызывают содержательного встречного отклика, по существу, игнорируются собеседниками. Тематическая близость диалогических реплик – лишь «речевая рамка», фиксирующая нахождение персонажей в одной и той же пространственно-временной точке, не отражающая ни содержание, ни динамику, ни даже сам факт взаимопонимания. Подобный способ сценической коммуникации у Чехова примечательно перекликается со спецификой диалога в постмодернистской парадигме: «...это только по Бахтину литература и жизнь диалогичны, а сейчас каждый при разговоре предъявляет единственно свой монолог» [7].

Не все лингвоперсонологически значимые коммуникативные интенции получают вербальное речевое воплощение; в рамках данной работы центрируем внимание только на так называемых вербализованных желаниях, а именно, в предметном сужении – на словоупотреблениях персонажами «Трёх сестер» глаголов с общей элементарной нечленимой семой («семантическим примитивом») ‘хотеть / желать’. Речевое выражение желания изначально соотносится с глагольной лексемой *хотеть* – базовым средством выражения соответствующего фундаментального семантического примитива как первичного, не поддающегося корректному истолкованию лингвокогнитивного феномена, ср. сообщение А. Вежбицкой, основоположницы теории «семантических примитивов»: «В течение семи лет, потраченных мною на поиски элементарных смыслов, число предполагаемых кандидатов систематически уменьшалось. В настоящее время я придерживаюсь мнения, что их число колеблется приблизительно от десяти до двадцати» [1, с. 237]. В «перечне кандидатов» у Вежбицкой на первом месте – глагол *хотеть* [Там же].

Идеологему «Желание» ближайшим образом опредмечивают глагольные лексемы *мечтать*, *желать*, *хотеть*. Порядок их перечисления (от *мечтать* – через *желать* – к *хотеть*) мы предлагаем осмыслять как ступени динамики коммуникации, связанной не только с речевым сообщением, но и с действием, и с движением от абстрактного к конкретному.

Наиболее отвлеченное значение у глагола *мечтать* – «предаваться мечтам» [9, с. 347], где *мечта* – «нечто, созданное воображением, мысленно представляемое» [Там же, с. 346], ср.: «*Вершинин*. Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем. <...> Давайте *помечтаем*... например, о той жизни, какая будет после нас, лет через двести-триста» [10, с. 145] (здесь и далее курсив в цитатах наш. – И. Г., Е. У.).

Мечта в своем интенциональном движении к вещиности, предметности получает семантическую конкретизацию в *желании* («влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь» [9, с. 186]). В пьесе представлено только одно автореферентное высказывание подобного типа: «Я *желаю* вам всего, всего...» [10, с. 183], где глагол *желать* фигурирует в составе формулы речевого этикета и синтагматически связан с прономинной, лишенной конкретного денотативно-референциального смысла (*всего*).

В ритуализованной этикетной речи форма является главной, единственно существенной «квазисемантической доминантой» [3], – и, в трагифарсовой соотнесенности, в условиях клонящейся к обреченности пустоты бытия именно форма оказывается единственно существенной и для взаимоотношений чеховских героев, что неявно сказывается даже в самообличающем словоупотреблении самого сущ. *форма*, ср.: «*Кулыгин*. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать... Жизнь их текла по известным *формам*. Наш директор говорит: главное во всякой жизни – это ее *форма*... Что теряет свою *форму*, то кончается – и в нашей обыденной жизни то же самое» [10, с. 133].

Модальность реплик персонажей Чехова, как и их жизнь, течет по десемантизованным формам: активных жизненных интенций нет (желания отсутствуют), есть только форма – «план выражения», десемантизованная оболочка глагола *хотеть*. Отметим, что частотность данного глагола в пьесе достаточно велика, но он ни разу не употребляется в значении «стремиться к чему-нибудь, добиваться осуществления, получения чего-либо» [9, с. 856]. *Хочу* для героев пьесы репрезентирует просто «ощущение потребности в ком- или чем-либо» [Там же], причем в пассивной форме. Контекстуальные смыслы глаголов *хотеть* и *мечтать* совпадают, они выступают как синонимы-дублеты, и вся модальность желательности носит у героев характер неосуществимой мечты, разновидности которой можно представить в виде следующего перечня контекстуальных семантических конкретизаций.

1. «Хочу в Москву как место, где я мог (могла) бы быть счастлив(а)»: «*Маша*. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...» [10, с. 149].

2. «Хочу взаимопонимания, семьи как возможности реализовать свои интенции и быть понятым». В качестве маркера используется сочетание *хочется (хочу) чаю* (фразы Кулыгина, Вершинина, Чебутыкина).

3. «Хочу работать, мечтаю о труде, который совмещал бы “поэзию и смысл”». Данное желание оформляется через отрицание: «*Ирина*. ...не люблю я телеграфа, не люблю. <...> Надо поискать другую должность, а эта не по мне.

Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей...» [Там же, с. 144]; «*Ольга*. Я не хотела быть начальницей и все-таки сделалась ею [Там же, с. 184]; <...> если бы я вышла замуж и целый бы день сидела дома, то это было бы лучше» [Там же, с. 120, 122].

4. «Хочу жить (быть молодым, чтобы иметь возможность все изменить) и не хочу смерти»: «*Тузенбах*. И через тысячу лет человек будет так же вздыхать: “ах, тяжело жить!” – и вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти» [Там же, с. 146]; «*Вершинин*. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение.<...> Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот таких, как вы, в городе теперь только три, в следующих поколениях – больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас... (*Смеется*.) Сегодня у меня какое-то особенное настроение. Хочется жить чертовски» [Там же, с. 163].

Философствовать и *мечтать* выступают как эквиваленты и несут контекстуальный смысл «жить». Но действия нет, поэтому естественны реплики: «*Ирина*. Не задавайте вопросов... Я устала» [Там же, с. 155]; «*Чебутыкин*: Утомился я, замучился, больше не хочу говорить» [Там же, с. 187]. Нет активных поступков, действий, угасает даже потребность говорить, что для чеховских героев тождественно остановке / прекращению жизни.

Десемантизация желания маркирована в тексте пьесы конструкциями с частицей *если / если бы* с узуальным значением желательности, которое контекстуально нивелируется значением предположительности, ассоциируемым с представлением о несбыточности высказываемого: «Но *если бы* бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива» [Там же, с. 168]; «О, *если бы* не существовать» [Там же, с. 160].

Десемантизированное желание как концептообразующая идеологема образует в пьесе своеобразную рамку, организуя все текстовое пространство драмы, находя выражение в разнообразных контекстуально синонимизирующихся средствах, типа *кажется, Бог даст* и др., ср.: «*Ирина*. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить» [Там же, с. 123]; «*Ирина*. *Бог даст*, все устроится» [Там же, с. 120].

Следует отметить и «нанизывание» контекстуально синонимичных лексем с указанным концептообразующим смыслом: «*Ольга*. <...> Все хорошо, все от бога, но мне *кажется, если бы* я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше» [Там же, с. 122].

Таким образом, десемантизация лексем с узуальным смыслом ‘хотеть / желать’ составляет лингвоконцептуальный центр коллективной языковой личности чеховских персонажей. Коммуникативные интенции героев семантически пусты, лишены денотативно-референциальной содержательности как «привязки к реальной жизни», а тем более элементов концепта «Высшие формы опыта» [5], языковые / речевые средства репрезентации желаний героев предстают лишь как элементы плана выражения, как пустые словесные оболочки, «формы». Однако эта «чистая форма» чрезвычайно важна для участников коммуникации: «Главное во всякой жизни – это ее *форма*... Что теряет свою *форму*, то кончается – и в нашей обыденной жизни то же самое», – говорит Кулыгин [10, с. 133]. По внутренней логике героев «Трех сестер», чтобы жить, надо желать или хотя бы формально выражать желание желать.

Заметим, однако, что отсутствие содержания (семантический ноль) может интерпретироваться и как неактуализованная множественность, потенциальная вариативность смыслов внутри заданной формы. «Форма» задана, и ее ненаполненность тревожит воображение читателя / зрителя, побуждает наполнять заданное автором лингвокогнитивное пространство своими смыслами: «...и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем живем, зачем страдаем... *Если бы знать! Если бы знать!*» [Там же, с. 188]. Жажда содержания роднит персонажей чеховской драмы с владеющими содержанием героями литературы «духовного реализма», обуславливает непреходящую актуальность чеховской драматургии – как в различных аспектах мирового и национально-образовательного значения русской литературы [4], так и в аспектах, связанных с отображением вечного поиска истины и правды как фундаментальной особенности русского менталитета.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 225–252.
2. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста: Курс лекций. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. 147 с.
3. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
4. Волков В. В., Гладилина И. В., Скаковская Л. Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.
5. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Языковая репрезентация концепта *Высшие формы опыта* в произведениях русской литературы XIX–XXI веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 135–141.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 216 с.
7. Куприянов В. Пастиш о постмодернизме [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2016/08/13/910> (дата обращения: 16.08.2019).
8. Неретина С. С. Интенциональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. С. 289–290.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 908 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1978. 527 с.

COMMUNICATION SPACE IN A. P. CHEKHOV'S DRAMA «THREE SISTERS»

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
the Department of Russian Language

In the article, the dramatic text is viewed upon as some communication space organized by the characters' communicative intentions. The authors focus their attention on the verbalized intentions of the play's heroes, reconstructed on the basis of semantic prim-

itives bearing the meaning “to wish”. The approach employed allows passing from the verbal level of the text on to the interpretation of its ideological structures.

Keywords: *A.P. Chekhov, dramaturgy, communicative intentions, semantic primitives*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.